

от
2 4 ИЮН 1998

ШИРОКАЯ СЦЕНА — ЖИЗНЬ

«Сим удостоверяю, что Талер Роланд, окончивший полный курс во вверенном мне училище в прошлом 1914 г., известен мне с первого класса и всегда отличался хорошим направлением ума, прямой открытой душой, к старшим относился всегда предупредительно и с полным уважением.

В. Волков, директор Самарского реального училища им. императора Александра благословенного».

* * *

Насчет прямой и открытой души — точно. А что касается направления ума, то тут директор училища имени Александра благословенного старался явно выгородить перед властями себя и своего ученика. Какое уж там «хорошее направление»? Разве пришлось бы по вкусу императору такие, например, слова:

—Каменщик, каменщик в фартуке белом,

Что ты там строишь? Кому?

—Эй, не мешай нам, мы заняты делом,

Строим мы, строим тюрьму.

Самарское землячество студентов проводило вечера для сбора денег наиболее нуждающимся своим товарищам. Собирались до тысячи человек послушать самостоятельные концерты. И когда на одном из таких вечеров двадцатилетний Роланд прочитал со сцены «Каменщика» Брюсова, — он как в воду смотрел. Тюрьма строилась как раз для него.

Тюрьма. А было все, кажется, как нельзя лучше. Еще недавно, летом 1912 года, рисовались в воображении радужные картины спортивной славы. Тогда Роланда, как лучшего гимнаста, послала Самара в Прагу на Всемирный всеславянский слет соколов (было такое общество — «Сокол»).

Тюрьма. Глухие холодные стены. А совсем недавно — сцена театра, бурно аплодирующий зал. Пока не ему. Но он все равно доволен. Так доволен, что больше не беспокоится, если из училища снова позвонят отцу. Отец — народный учитель. Спросит: «Что с сыном?» — «Сын в училище, — скажет отец. Отец не допускает иной мысли. Но сын почти всю четверть околачивается в антрепризе Гудкова. Ему уже не нагнать свой класс, он останется на второй год, он с этим смирился. Гудков все равно возьмет его на сцену.

Тюрьма. Хотя он и читал ходячие в тайных списках стихи, но чтобы себя представить в числе невольников — такого, пожалуй, не было. За что могли бы бросить его за решетку? Он не подумал об этом. Подумала жандармерия. Отец — старше, опытной — тот еще мог предполагать такое. Отец успел соблазнить формальность, чего не успели за триста лет сделать его давно обрусевшие предки, выходящие из Баварии. Народный учитель Фридрих Фридрихович Талер выполнил присягу на подданство России и получил свидетельство «за надлежащим подписом и приложением казенной печати». Роланд соотвечавшей бумажкой к началу первой мировой войны не располагал. И поэтому он не мог рассчитывать на расположение к себе властей.

Тюрьма.

Кто знает, как обернулись бы дальше события, как далеко зашли бы в национальной травле царские чиновники, если бы не приведенное выше «удостоверение». Директор реального училища сообразил, наконец, что тень может пасть и на него, поэтому постарался выставить своего воспитанника в лучшем свете, — «с хорошим направлением ума».

Роланд расстался с тюрьмой. Зато теперь ему не разрешили расстаться с Самарой. На просьбу разрешить выехать с театром Лебедева на гастроли в Краснодар (талант молодого актера был к тому времени уже замечен) генерал-губернатор ответил: «Проживание в Краснодаре отклоняю». Роланд решил ехать тайно.

Гастроли в Краснодаре приближались к концу, когда перед актером выросли неожиданно два жандарма.

—Талер?

—Талер.

—Собираетесь в Самару.

—Я собран.

—Мы проследим за отъездом.

Жандармы остались довольны. Их подопечный послушно сел на паром. Остался доволен и Талер. Он спешил. Правда, не в Самару, а... в Керчь, в антрепризу Барковского.

Актер и в жизни продолжал играть, на этот раз рискуя основательно «провалиться».

... В стране нарастал революционный подъем. Пало самодержавие. А вскоре прогремели и залпы «Аз-ро-ры».

«Настоящее удостоверение дано тов. Талеру Роланду в том, что он является сотрудником инструктором-режиссером секции культурно-просветительного отдела Политотдела 25. Тов. Талеру поручается агитационно-организационная и культурно-просветительная работа в частях 25-й стрелковой дивизии в районе ее расположения.

Всем военным и гражданским властям оказывать тов. Талеру всяческое содействие при исполнении возложенных на него обязанностей, что подписью и приложением печати удостоверяется. Замполитотдел 25 Суворов».

Путь в чапаевскую дивизию лежал через Керчь. Затем через Балаково, где в конце 1917 года власть не один раз переходила от белых к красным и наоборот. Дальше — через Петровск, где Талер был одним из первых членов Коммунистического Союза Молодежи и участвовал в подготовке первого номера журнала «Голос коммунистической молодежи».

Сохранился оригинал одной из афиш, какие пестрели в то время в Петровске. В ней говорится, что в «театре Союза Коммунистической Молодежи при участии артиста Р. Талера поставлена будет драма «Огни Ивановой ночи». Афиша, как афиша. Кажется, такую можно вывесить и сейчас. Но два слова, специально выделенные крупным печатным шрифтом — «Зал отоплен» — точно указывают на время — 1919 год.

Играли. Где надо было — смеялись, хотя и сковывал губы холод. Не всегда отоплен был зал. А было — под ногами горела сцена.

...С театральной бригадой ездил Талер по селам, создавал ячейки коммунистической молодежи. В селе Кондаль Петровского уезда, Саратовской губернии, один из членов бригады — Коля Козлов загримировался под местного священника. Кулачье, заглядывавшее в окна во время репетиции, порешило, что комсомольцы «обращиваются» настоящего кондальского священника. Над школой, где остановилась бригада, вспыхнули языки пламени. Артистов вывели через какие-то черные ходы уборщица школы.

«Зал отоплен»...

А потом, в том же девятнадцатом, не было даже зала. И не было броских афиш, а только объявления от руки.

Одно из объявлений воспроизводит четкий строгий почерк Роланда Талера:

«Город Лбищенск. Походный театр политотдела 25-й стрелковой дивизии. Будет поставлена революционная пьеса «Гражданин».

Артисты еще не знали, что после этой постановки, как только они уйдут вместе с музкомандой из Лбищенска, разыграется трагедия, и никогда уж больше не выйдет после концерта начдив Чапай и не спляшет под баян перед бойцами...

* * *

Фотографии, театральные афиши. Комментарии.

Семнадцать альбомов. Без малого семьдесят лет. Большая жизнь. Возможно — для большого романа. Страницы романа никем не пронумерованы, экзотический снимок: абилитация».

Во время репетиции.

Фото Н. Сюрина.

растянувшийся караван верблюдов. На верблюдах не поклада — люди. Они не позируют, нет на лицах деланных улыбок. У них собранный деловой вид: Они на привычном транспорте. Труппа «По степям Казахстана» во главе с Роландом Талером отправляется в очередную гастрольную «поездку» по спаленным зноем аулам Аулие-Аты (нынешний Джамбул).

На какую-то из других страниц ляжет фотография знакомого всем человека. Василий Иванович Чапаев. Он и не он... Р. Ф. Талер первый в стране осуществил постановку «Чапаева» — пьесы, написанной женой Фурманова. Роланд Фридрихович, много раз близко видевший легендарного начдива, сам и сыграл его роль.

Еще на какой-то из страниц — отпечаток афиши:

«Январь, 1931 год. Город Мелекес. Первый государственный передвижной фабрично-заводской театр краевого управления зрелищными предприятиями. Литературно-политический суд над героями пьесы «Выстрел». А. Безыменского. Помощник директора по художественной части — Р. Талер. Один из центральных героев пьесы — Пришлецов (Р. Талер).

Если по странице на роль — пятьсот страниц. Чапаев, Грозный, Карандышев («Бесприданница»), Павел I, Прохор («Васса Железнова»), Буденный, Казимодо, Александр III...

Пятьсот... И еще — страницы, которые иллюстрировать нечем. Страницы событий, не столь отдаленных по времени, но беспрельдно далеких сегодняшнему дню по своему духу.

—Какие-то светлые пятна? О, конечно. Они и в те годы были, без этого нельзя. Без этого нет человека.

Художественная бригада заключенных, которой руководил Р. Ф. Талер, иногда получала возможность поставить пьесу, дать концерт и за пределами отведенной ей территории — в клубах рабочих поселков. Родилась мысль: вырученные таким образом деньги послать в фонд обороны страны. Собрали сто тысяч. Из Москвы отблагодарили. На месте был издан приказ...

И самое светлое — полная ре- абилитация».

—Почему вы решили писать о Роланде Фридриховиче? Таня Теселько, 9 класс, школа № 135.

Вот уже несколько лет Роланд Фридрихович болен. Рука так и хочет вывести привычное: «скован болезнью». Но это было бы правдой всего лишь наполовину. Скованы ноги, скованы возможности. А духом Роланд Фридрихович не скован. Тут он может поделиться с иным здоровым. Назови его пенсионером, — думается, обидится.

Душа актера, режиссера, гонит от себя прочь покой, воспоминания о незаслуженных обидах в прошлом, о недостаточном внимании в настоящем (об этом будет разговор).

Дома у Роланда Фридриховича — большая театральная студия. Безвозмездно, как режиссер-общественник, он осуществляет серьезные постановки, учит мастерству молодых. Не одна группа школьников Железнодорожного района Караганды приобщилась благодаря ему к настоящему искусству. И только ли школьники приобщились? Как-то в день выборов в Верховный Совет воспитанники Р. Ф. Талера успели дать пятнадцать концертов. Этому их научил тоже он. Ездили они и по совхозам области. Это тоже благодаря ему. Сразу боялись, ехали неохотно, а сейчас — сколько интересных воспоминаний. У самого Роланда Фридриховича есть медаль «За освоение целинных и залежных земель», и он очень гордится этой наградой.

Многому учит молодых старый режиссер. Учит жизни. И делается это столь деликатно, что можно лишь позавидовать. Один эпизод. Надежда Лихачева из Москвы прислала пьесу: «Понравится — поставьте у себя». Пьеса понравилась, но название ей автор дал условное. Нужно придумать самим. Объявлен конкурс. Подводятся итоги. Есть полтора десятка названий. Наконец, после отбора остаются два: «Сила дружбы» и «На заре юности». Роланд Фридрихович стоит за первое, однако, проводит голосование. Большинство... за второе. И. Роланд Фридрихович говорит:

—Сдаюсь.

Большая студия... Она есть. Ее не назовешь маленькой. Но «большая» — это как-то не вяжется с узкой пристройкой у частного дома, на

вяжется с единственной комнатой, в которой живут Роланд Фридрихович и его жена и в которой принимают по двадцать—тридцать гостей одновременно. Если ватага ребят и размещается как-то для репетиций и бесед в этой комнате, то они умудряются делать это, видимо, только благодаря своей страстной любви к искусству. Но таких страстных учеников у Р. Ф. Талера все больше и больше, а обещанная когда-то настоящая квартира по-прежнему остается только мечтой как для Талера, так и для его воспитанников.

И еще не выходит разговор из головы с самой любимой, как мне показалось, ученицей Роланда Фридриховича.

—Знакомьтесь. Княгиня Трубецкая, — представил он мне Таню Теселько. — Баловная, шалунья, вредная девчонка.

—Опять! Да не вредная я, ну, честное слово, не вредная! И она тут же перешла в наступление:

—А как вы, Роланд Фридрихович, мучаете меня, а? Помните — «Живут же люди в том краю, привыкну и я шутя»... Сколько я билась над одной этой фразой!

—Ну, ну, — добродушно отбилась Роланд Фридрихович.

А Таня приготовилась уже к другому штурму.

—У меня к вам вопрос. — Это ко мне вопрос. — Почему вы решили писать о Роланде Фридриховиче? Вы, Роланд Фридрихович, помолчите. Ну, помолчите же!

— Это же ясно, — сказал я, — большая, интересная, целеустремленная жизнь.

—Интересная, да? Целеустремленная? Необычная, да? Вы, Роланд Фридрихович, помолчите!.. Разве не таким людям, всю жизнь отдавшим любимому делу, присваиваются звания заслуженных — «заслуженный артист» и так далее. Не таким?

Это снова вопрос ко мне. Я ответил:

—Таким.

—Так почему же Роланд Фридрихович...

Он не дал ей договорить. Но этот недосказанный ею вопрос я повторил про себя тогда. И повторяю сейчас:

—И правда, почему?

А. ЛЕЙБМАН.
Н. КУЗНЕЦОВ.

КАРАГАНДА